

Перед зеркальной рамой никто не смел вздохнуть лишний раз.

Никто не знал, какая тварь выберется из этого водяного зеркала в следующую секунду.

С полудня прошло от силы три часа, но за это короткое время они уже не раз балансировали на грани жизни и смерти. Каждый шаг напоминал ходьбу по натянутому канату. Нервы были взвинчены до предела, и никто не смел расслабиться — даже если казалось, что натянутая струна в голове вот-вот лопнет, никто не позволял себе отвлечься ни на миг.

Скрип катящихся по полу колес становился все отчетливее, приближался и тяжелый шаг. Этот глухой, давящий звук ложился на плечи непосильной ношей, вызывая удушающее чувство безысходности.

Вскоре показался и сам источник шума. Из непроглядного мрака прямо в зеркале выкатилась каталка, от которой несло резким запахом крови. Под рваным ватным одеялом, прямо под стойкой для капельницы, угадывались контуры человеческого тела. Лица было не разглядеть.

Каталка завернула за угол, и в полумраке проступили силуэты тех, кто ее толкал, — мужчины и женщины. Они о чем-то перешептывались, склонив головы друг к другу. Похоже, спутник пытался развеселить свою даму. Именно их шаги издавали тот самый тяжелый, шаркающий звук.

Словно почуяв дыхание живых, мужчина резко вскинул голову.

У присутствующих перехватило дыхание.

Он был высок, одет в строгий костюм с иголки — по меркам крутившихся здесь знаменитостей, вполне приличный вид. Если бы не одно «но»... Его глаза внушали неподдельный ужас. Вместо них зияли два провала: ни белков, ни зрачков — сплошная, растворившаяся во тьме бездна. При этом уголки его рта были приподняты в злобной, жутковатой усмешке.

Окинув толпу взглядом пустых глазниц, пришелец остановил взор на Гу Вэе. Сделав шаг, он беспрепятственно прошел сквозь водяную гладь зеркала, приблизился и протянул ладонь:

— Здравствуйте, доктор Гу. Я Цяо Луи. Спасибо, что согласились оперировать мою мать. Надеюсь на вашу помощь и во время ее реабилитации.

— О, это же Цяо Луи, исполнитель второй мужской роли! — шепотом отозвался кто-то в толпе.

— Неужели этот персонаж — всего лишь NPC?

Цяо Луи слегка склонил голову, не переставая улыбаться. Его протянутые пальцы покрывали темные трупные пятна.

Гу Вэй бросил на них мимолетный взгляд, даже не думая отвечать на рукопожатие. Играть по правилам системы он не собирался. Посмотрев на каталку, он холодно бросил:

— Если бы операцию действительно проводил я, ваша матушка сейчас здесь не валялась бы.

Тон был настолько ядовитым, что Цяо Луи на мгновение опешил. Из-под одеяла виднелось лишь лицо пожилой женщины с плотно закрытыми глазами. Ее кожа, как и руки сына, была усеяна старческими или, скорее, могильными пятнами. От тела веяло мертвенным холодом — шансы на то, что она жива, стремились к нулю.

Молчавший до этого объектив камеры внезапно ожил и заскрежетал:

[Дубль испорчен! Внимание: ошибка в реплике!]

«Что за бред? Какие еще реплики? Это же чистая импровизация, черт бы вас побрал»

Стоило системе умолкнуть, как стоявшая рядом женщина вскинула голову. Ее злобный, колющий взор впился в Гу Вэя. Из ее горла вырвалось глухое хрипение. Лицо ее, худое и желчное, исказилось в гримасе, от которой становилось не по себе. Когда она приоткрыла рот, стало ясно — у нее нет языка. Немая.

Цяо Луи опустил руку и, повернувшись к спутнице, что-то тихо шепнул ей на ухо. Та послушно потупилась, и в ее позе вдруг промелькнула странная, застенчивая грация. Мужчина вновь обратил к Гу Вэю свою застывшую маску дружелюбия:

— Доктор Гу, познакомьтесь, это моя супруга, Бай Ли. Она нема. Вы слишком скромничаете — о вашем выдающемся мастерстве знают все.

Гу Вэй лишь усмехнулся. Не заботясь о приличиях, он прыснул:

— Боюсь, в этот круг посвященных забыли включить меня самого.

Фантазия у системы была поистине убогой. Гу Вэй взглянул прямо в объектив камеры, прищурился, и в его глазах блеснула дерзкая насмешка.

Камера выдала:

[Дубль испорчен! Внимание: ошибка в реплике!]

После секундной паузы система добавила:

[Второе предупреждение.]

Окаменевшее лицо Цяо Луи наконец приняло более-менее естественный вид. Он резко, без предупреждения подался вперед. Окружающие даже вздрогнуть не успели, но Гу Вэй среагировал мгновенно — просто сделал шаг назад. Его реакция была безупречной.

Когда они на миг поравнялись плечами, Цяо Луи интимно прошептал ему на ухо:

— Ты действительно так сильно меня ненавидишь?

Гу Вэй лишь недоуменно приподнял бровь.

Чжуан Чжуан все еще цеплялся за рукав своего названного брата. Когда Гу Вэй отступил, парень не успел сдвинуться с места и отчетливо расслышал этот драматичный шепот. От нелепости момента он едва сдержал смех. Жуткий образ Цяо Луи в его глазах тут же померк.

«Дядя, ну ты и фантазер, — подумал Чжуан Чжуан. — Если мой братец кого и ненавидит всем сердцем, так это точно не тебя. Себя он ненавидит. За то, что с дуру подписал этот проклятый контракт!»

Пятясь назад, Гу Вэй наткнулся на что-то металлическое. Обернувшись, он увидел медицинскую каталку. Еще минуту назад ее здесь не было.

Да и само здание за его спиной преобразилось: среди прежней разрухи из ниоткуда возникли полтора десятка ржавых медицинских тележек. Расставленные в строгом порядке, они привнесли в сырой воздух отчетливый, едкий запах карболки. Судя по всему, система наспех пыталась превратить заброшенные декорации в подобие больничного покоя, но из-за спешки все это выглядело нелепо и топорно.

Позади Цяо Луи бесследно исчезло огромное водяное зеркало. Пролом в металлической стене затянулся. Очертания здания остались прежними, но его внутреннее наполнение изменилось до неузнаваемости.

Ночь становилась все глубже, за стенами непрерывно шумел ливень, который, казалось, только набирал силу. Густой туман не думал рассеиваться, а сквозь щели проржавевших оконных рам упрямо просачивался промозглый холод. Кутаясь в плед, Гу Вэй зевнул во весь рот — его неудержимо клонило в сон.

Испуганная толпа сбилась в кучу в самом дальнем углу, проведя невидимую, но четкую границу между собой и парочкой NPC, неподвижно стоявших у каталок. Избалованные ночными съемками и бесконечными шоу знаменитости спать не хотели — да и кто бы решился заснуть в таком месте?

Разве что сам Гу Вэй.

— Я до сих пор не пойму, по каким правилам идет игра. Чего они от нас хотят? — всхлипнула певица, на чьих щеках еще не высохли слезы.

Остальные были озадачены не меньше. Ху Ханьсань, так и не выпустивший из рук тяжелую кувалду, с надеждой посмотрел на Гу Вэя.

Тот по-прежнему сидел на стуле, поджав под себя ноги. Цяо Луи незаметно подобрался поближе, продолжая сверлить его двусмысленным взглядом. Чуть поодаль немая Бай Ли изрыгала безмолвные проклятия одними глазами, но бдительный Чжуан Чжуан тут же одарил ее таким ответным взором, что та поспешно отвернулась.

С близкого расстояния стало заметно, что в пустых глазницах Цяо Луи колыхнется какая-то вязкая черная жижа. Прежде чем тот успел заговорить, Гу Вэй спросил:

— Кто у вас здесь главврач?

Второстепенные персонажи уже вышли на сцену, а вот ключевой фигуры — директора больницы — все еще не было видно. А ведь именно его желание им предстояло исполнить по сценарию.

Цяо Луи замер, и жижа в его глазницах на мгновение перестала шевелиться.

— Директор... — пробормотал он растерянно. — Он каждый раз разный.

Разве директор может меняться как перчатки? Либо этот парень нагло врал, либо сама система валяла дурака.

Гу Вэй снова широко зевнул, откинулся на спинку стула и решил на сей раз проявить милосердие — сыграть по правилам:

— С вашей матерью все будет в порядке. Я устал. Осмотрю ее завтра утром.

Оскал Цяо Луи заметно увял, но он послушно кивнул:

— Благодарю вас.

Шаркая, он побрел прочь.

— Брат, — Чжуан Чжуан осторожно толкнул его локтем, — мне кажется, этот мертвяк не врал. И вообще, он к тебе как-то подозрительно...

Гу Вэй удостоил парня столь выразительным взглядом, что тот мгновенно прикусил язык.

Подкравшись ближе, Ху Ханьсань негромко произнес:

— Когда я забирал кувалду, то нащупал там какой-то дневник...

У Чжуан Чжуана загорелись глаза:

— И что там написано?

Гу Вэй потер виски и, приоткрыв один глаз, лениво скользнул взглядом по кувалде в руках силача:

— Железо надежнее клочка бумаги. Как только появится этот ваш директор...

Актеры, шептавшиеся неподалеку в попытках разгадать загадку уровня, тут же придвинулись ближе, ломаясь за каждым словом.

—...просто проломите ему череп, — закончил Гу Вэй. — И плевать, какие там у него желания.

Присутствующие лишились дара речи. С виду такой интеллигентный, утонченный молодой человек — откуда в нем столько кровожадности?

Впрочем, если подумать, план был не так уж плох. Самый надежный способ разрубить гордиев узел. Учитывая, какими путанными и издевательскими были подсказки системы, проучить ее таким образом мечтал каждый. Вот только духу ни у кого не хватало.

— А ведь это действительно вариант, — задумчиво протянул один из старых актеров. — Правила не запрещают нападать на игровых персонажей.

Повисла тяжелая тишина. После череды жутких происшествий рисковать головой никто не желал. В конце концов, в правилах также не было ни слова о запрете крушить видеокамеры — однако у того бедолаги, кто попытался это сделать, глаза до сих пор ничего не видели.

— Но если верить этому типу, директор постоянно меняется... Как мы с ними со всеми справимся? — подал голос телеведущий, который теперь ни на секунду не расставался со своим железным стулом.

Это замечание заставило всех призадуматься. Действительно, если на место поверженного врага система сразу выставит нового босса, у них просто не хватит сил. Кто знает, сколько марионеток припасено у этой проклятой игры?

Решения у этой задачи пока не было. Люди снова обернулись к Гу Вэю, надеясь услышать от него еще какую-нибудь безумную идею, но обнаружили, что этот несносный человек... преспокойно спит прямо на стуле, поджав колени к груди.

Все лишь безмолвно переглянулись.

Тишину спящего зала нарушил едва различимый шорох.

Вместо сырого холода в воздухе вдруг отчетливо запахло застоявшейся кровью.

Гу Вэй едва заметно шевельнул носом. Не открывая глаз, он нахмурился и на одном рефлексе рванулся всем телом вниз, перехватывая лежавшую у ног кувалду Ху Ханьсяня.

В то же мгновение грузная фигура Бай Ли метнулась к нему. Описав в воздухе стремительную дугу, тяжелый боек кувалды со свистом рассек воздух и с глухим стуком врезался в плечо нападавшей.

Ее плечо, которое должно было состоять из плоти и костей, промялось внутрь, словно сделанное из папье-маше. Комнату мгновенно заполнило невыносимое зловоние гнили. Реакция у Гу Вэя была феноменальной — не давая твари опомниться, он замахнулся для нового удара, однако монстр успел отпрянуть. В следующую секунду оглушительный, истощный визг Бай Ли разорвал ночную тишину.

Этот крик, полный дикой боли, прозвучал настолько жутко, что дремавшие знаменитости разом подскочили на месте. Просидев несколько часов в абсолютном напряжении и видя, что Гу Вэй беззаботно заснул, а ходячие трупы вроде бы не проявляют агрессии, они один за другим поддались усталости и прикорнули у стены.

Протирая глаза, Чжуан Чжуан ошалело уставился на представшую картину: из головы Бай Ли торчали изогнутые ножки металлического стула. Позади бьющейся в судорогах твари, по колено в черной жиже, стоял тяжело дышащий и совершенно растерянный телеведущий.

— Твою мать! — вскрикнул Чжуан Чжуан и завертел головой в поисках брата. К его

облегчению, Гу Вэй был цел и невредим.

Висившая под потолком камера затрещала, выплевывая очередную порцию системного шума:

[Второстепенная героиня мертва. Директор больницы уже в пути.]

«Подумать только: жена приказала долго жить, а муженек и бровью не ведет. Зато директор летит на крыльях любви. Похоже, у нашего Цяо Луи на голове вырос ветвистый олений рог»

Не успели несчастные пленники перевести дух и осознать случившееся, как в глубине огромного холла начали зажигаться лампы. Скрытые до этого в нишах стен, они вспыхивали одна за другой по спирали, разгоняя застоявшуюся мглу, которую не мог пробить даже хрустальный свет люстры.

В мгновение ока огромное многоэтажное здание залило ослепительным светом, превращая ночь в день. Взглянув вверх, люди увидели бесконечную вереницу светящихся точек, уходящую в недостижимую высь. Высота этого места поражала воображение.

Как только свет залил верхние ярусы, оттуда, из поднебесной темноты, бесшумно развернулась длинная веревочная лестница. Сначала она свободно раскачивалась, но стоило ей коснуться багровой стены, как она словно намертво прилипла к ней, превратившись в ровный, уходящий ввысь подъем.

Сверху донесся отчетливый стук каблучков. Этот звук разительно отличался от давешнего тяжелого шарканья — шаги были легкими и уверенными. Нет, прислушавшись, можно было различить двоих: один шел мягко и стремительно, другой — чуть тяжелее.

Люди растерянно переглядывались. В холле воцарилась гробовая тишина. Напавшая на Гу Вэя Бай Ли неподвижно лежала на бетонном полу. Ее супруг, Цяо Луи, молча скользнул взглядом по Гу Вэю, после чего без единого слова отыскал где-то старую совковую лопату и принялся спешно выгребать останки благоверной наружу.

А шаги на лестнице все приближались. Время словно растянулось и сжалось одновременно: не успели они опомниться, как гости преодолели последний пролет второго этажа. Звук начищенной кожи подошв о бетон становился все громче.

Перепуганные артисты инстинктивно сплотились вокруг стула, на котором сидел Гу Вэй. Телеведущий и молчаливый крепыш встали по бокам от него как телохранители. Перед ними, готовые к бою, высились тяжелая кувалда и окровавленные ножки железного стула.

Из-за поворота стены наконец показали двое мужчин. Стоило разглядеть лицо шедшего впереди, как среди заложников игры прокатился удивленный шепот.

— Брат, — округлив глаза, прошептал Чжуан Чжуан, — это же тот самый... И Цяньвань! Легендарный Киноимператор, чьи старые фильмы ты постоянно крутишь!

Мужчина был высок и статен, на его плечи было небрежно накинуто классическое пальто. Яркий свет ламп выгодно подчеркивал благородную бледность его лица на фоне черной шелковой рубашки. Вид у него был сонный и слегка раздраженный, словно его оторвали от важных дел. Его холодный взор карих глаз равнодушно скользнул по перепуганным лицам и остановился прямо на Гу Вэе, по-прежнему сидевшем на стуле.

Среди убожества и разрухи его появление выглядело поистине триумфальным. Если бы не смертельная опасность ситуации, этой кинематографичной сценой можно было бы искренне залюбоваться.

— Разве мы не были первыми бедолагами, которых заарканил Цянь Давэй? — тихо бормотали в толпе. — Каким ветром сюда занесло самого И Цяньваня?

— Может, он подписал контракт позже нас?

— Да какому идиоту придет в голову связываться с этим шоу добровольно?

Посреди этого шума чей-то дрожащий голос произнес:

— Погодите... Вы что, не слышали тех слухов?

Шепот мгновенно стих. Все замолчали как по команде, затаив дыхание и не сводя глаз с новоприбывшего.

И Цяньвань ворвался в кинематограф пять лет назад и уже через два года завоевал самую престижную премию, подтвердив статус гения. Журналисты наперебой твердили: его репутация безупречна, а лицо настолько идеально, что на нем не найти ни единого изъяна, под каким углом ни посмотри.

Но три года назад, находясь на самом пике славы, этот баловень судьбы внезапно объявил об уходе из индустрии и бесследно исчез. Слухов ходило великое множество: от возвращения к семейному бизнесу до трагической гибели во время отдыха за границей. И версия об утоплении казалась обывателям наиболее правдоподобной.

Актеры смотрели на него со священным трепетом и ужасом. Был ли стоящий перед ними человек... вообще живым?

В этой звенящей тишине Гу Вэй внезапно шевельнулся. Спрыгнув со стула, он легким движением выхватил тяжелую кувалду из рук опешившего крепыша и быстрым шагом направился прямо к И Цяньваню.

«Просто проломите ему череп!» — его недавний совет эхом отозвался в головах присутствующих.

У всех перехватило дыхание. Несколько девушек, предчувствуя кровавую бойню, в ужасе закрыли лица руками.

Мужчина, шедший позади И Цяньваня, испуганно отшатнулся назад. Сам же Киноимператор даже не дрогнул. Если бы он действительно был порождением системы, стоило бы отдать должное разработчикам — глубина его карих глаз казалась невероятно живой.

Под десятками испуганных и заворуженных взглядов Гу Вэй резко вскинул кувалду. Тяжелый кусок железа описал в воздухе грозную дугу, но в самый последний момент, у самой цели, замер.

Передумав наносить удар, Гу Вэй лениво опустил оружие, протянул руку вперед и коснулся щеки И Цяньваня.

— Дай-ка проверю, бьется ли у тебя пульс.

<http://bllate.org/book/18225/1751689>